

ЛЮДИ ИСКУССТВА

Сов. культура - 1988 - 13 авг. - с. 4.

Последний фильм Андрея Миронова

Алла Сурикова, режиссер

Я ШЛА в театр с букетом красных гвоздик. Шла мимо очереди, кажется, бесконечной. Мимо озобоченных милиционеров — они не ожидали столь огромной массы людей, пожелавших почтить его память; но и сами выглядели не только выжидающе строгими, но и печальными... Потом мимо заплаканных слушателей театра, где он работал всю жизнь... Потом стояла у гроба, смотрела на окаменевшую Марию Владимировну, на искаженные болью и недоумением лица его друзей — знакомых и не знакомых ему и... не верила. Ни своим глазам, ни всему тому, что говорили вокруг.

Пять дней назад в Яункемери, на Рижском взморье, точно такие же гвоздики он принес в столовую санатория, где сидели мы с его мамой...

У него оставалось два часа до отъезда в Ригу. Вечером у него была «Женитьба Фигаро», и мы договорились наши рабочие разговоры перенести на завтра. «Фигаро» он не доиграл и в санаторий уже не вернулся.

Когда через трое суток я летела в Москву, не понимая толком, как и почему я оказалась в этом не то служебном, не то специальном самолете, и отупевшими глазами смотрела на такие же отупевшие лица его товарищей по театру — дирекция позволила на один только день прервать гастроли, для похорон, — я думала, что вместе с этим актером, с которым меня связывали работа и дружба, и у меня лично, и у всех, сидящих рядом, ушел огромный кусок личной творческой жизни. Ушел невосвратимо, ибо всякая личность на земле неповторима, если она личность, а творческая личность не повторяется и в миллионах. И значит, никому из сидящих в этом самолете и вообще никому из тех, кто вместе с Андреем выходил на сцену или на съемочную площадку, уже никогда не испытать того, именно того контакта, что возникал при общении актера Миронова с коллегами. Будет лучше или хуже, но иначе... Про себя я это знаю точно. Я ведь и в Яункемери поехала, потому что после завершения «Человека с бульвара Капуцинов», в последний день озвучания, Андрей заговорил, что надо бы без особого перерыва, «той же командой», начинать что-нибудь еще: «Ребята, нам не надо расставаться», — сказал он.

У нас был замысел, показавшийся интересным, современным и острым, и больше ничего: ни сценария, ни «единицы» в производственных планах студии. Нет, у меня еще было право на отпуск, а у Андрея — гастроли в Риге. И мы надеялись совместить приятное с полезным. Я знала, что Андрей будет жить на взморье, а не в городе, что туда же приедет и Мария Владимировна, и по утрам мы будем гулять и, может быть, придумаем новый фильм.

Тут я хочу пояснить. Меня, как и любого режиссера, часто спрашивают: по какому принципу я подбираю актеров, мог ли, скажем, в «Человеке с бульвара Капуцинов» главную роль сыграть другой исполнитель и тому подобное. И я отвечаю, что вопрос правомерно ставить по-другому: а была бы картина, если бы Андрей Александрович Миронов не захотел в ней сниматься? И поверьте, что это не преувеличение, не дань памяти прекрасного артиста. Картина начиналась не со сценария — сценарий, написанный Эдуардом Акимовым, «лежал» на «Мосфильме», — а с того момента, когда я решила, что мистера Фёста — фанатика кинематографа, решившего переустроить мир с помощью «снимая», должен играть Миронов.

Я храню теперь несколько строк его последнего газетного интервью — он дал его в день отъезда Театра сатиры на гастроли в Ригу корреспонденту «Вечерней Москвы».

«На кино не остается времени, — сказал Миронов. — Все забирает театр. Но, ставя «Тени», занятый по горло, я не мог отказаться от роли Фёста в фильме Суриковой. И потому, что мы с ней работали над фильмом «Будьте моим мужем», и потому, что предложенный ею материал и на сей раз оказался очень симпатичным прежде всего по благородной идее, по характеру героя.

Что-то меня сразу подкупило в Фёсте, подружилось с ним. И то, что он по-моему Дон Кихот, и то, что, если можно так сказать, он не просто чудак, а очень своеобразный счастливый неудачник или неудачливый счастливчик. Странное сочетание? А ведь живое, непринудимое и для меня — и в экранной моей биографии — новое».

Что именно показалось «симпатичным» Андрею Миронову в исходном материале сценария?

«Человек с бульвара Капуцинов» — название картины для нас содержало определенную символику и почти исчерпывающую характеристику главного героя. Для тех, кто немного подзабыл историю мирового кинематографа, напомню: именно на этом парижском бульваре размещался первый в мире кинотеатр братьев Люмьер, откуда двинулись по белу свету его ретивые и наивные миссионеры.

На обсуждении фильма один из зрителей сказал, что идея картины, ее главный социальный и эстетический посыл реализуются прежде и больше всего через Андрея Миронова. А все остальное — иронический фон для тех невероятных событий, которые составляют сюжет. Не зря мы определяем жанр словами «ироническая фантазия в стиле вестерна». Это не пародия, как иногда пишут критики, хотя, конечно, в ней есть элементы пародии. И не мюзикл, требующий особого композиционного и музыкально-интонационного построения, хотя музыку к фильму писал большой мастер этого жанра Геннадий Гладков.

Нет, мы снимали фильм, в котором отдельные компоненты, я бы сказала, «отзвуки» мюзикла, вестерна и пародии соединяются слегка ироническим к ним отношением и умножены на проповедь доброты и веру в чудеса, творимые подлинным искусством. В картине есть такой эпизод. Умирает, получив пулю из кольта в спину, наивный мистер Фёст; бездыханный лежит он на полу салона, где в течение нескольких недель демонстрировал различные киноленты, отравившие завсегдатаев этого питейного заведения от виски, драк и прочих жизненных грубостей. Кажется, ему теперь ничто не поможет — ни скупые слезы друзей-ковбоев, ни трагические вскрики любимой девушки, ни сдержанное сочувствие самого убийцы. Последние сил хватает лишь, чтобы высказать прощальное желание. Слабеющими губами он не говорит, а выдыхает одно только слово: «Заряжай!». Это команда кинемеханику. На импровизированном экране вновь возникает фигура Чарли, в котелке и с тросточкой.

Вот это чаплинское начало — помните слова великого Мастера: «могущество смеха и слез — единственное противоядие против ненависти и страха» — сформулировало для нас и общую стилистику картины, и конкретные задачи исполнителя.

Мы сняли для фильма несколько сцен, где в поведении главного героя, в его пластике возникает некий «парафраз» Чарли. Ни одна из них в картину не вошла, хотя Миронов был в этих эпизодах свободен, элегантен, достаточно смешон и убедителен. И все-таки мы отказались от прямых ассоциаций. Во-первых, вспомнили, что на конкурсе артистов, пародирующих Чарли, сам Чаплин занял едва ли не предпоследнее место. А во-вторых, и это главное, чаплинское начало для Андрея и для меня выражается не в котелке, тросточке и походке, а в соединении юмора и доброты как жизненной силы, источнике оптимизма, без которого современному человеку просто не жить.

Андрей включился в работу над картиной гораздо раньше, чем это обычно делает исполнитель — еще на стадии первых прикидок режиссерского сценария. Биография и поступки многих персонажей, а не только уготованного ему, занимали воображение Миронова. Мы встречались, фантазировали, спорили. Так, к примеру, изменилась судьба героини фильма, для которой именно Андрей нашел наиболее выразительное и точное завершение ее экранных перипетий.

И уже на съемках — когда возникал какой-нибудь спор, разумеется, по творческому поводу с кем-либо из исполнителей или членов постановочной группы — Андрею часто звали в качестве третьей стороны. Я шла на это, хотя в принципе режиссерам, и мне в том числе, такая позиция не свойственна.

Андрей всегда был безупречен в любой конфликтной ситуации. Он исходил только из интересов картины, и это все знали. Однажды у меня возникли споры с актером, которого я очень люблю и в которого очень верю, — с Михаилом Боярским. У каждого был свой вариант текста ключевого эпизода. Позвали Андрея. Он предложил третье, как выяснилось на площадке, наилучшее решение.

Много позже я спросила у Боярского:

— Вас не смутило, что в качестве арбитра я позвала другого актера?

— Вы позвали не просто актера, а Миронова, — ответил Боярский, — а Андрей — один из немногих партнеров, которому можно доверять ничуть не меньше, чем себе самому. В актерской среде, особенно в киношной, при всем внешнем дружелюбии достаточно часто встречаешься с неким соперничеством, что ли. Сколько бы я ни встречался с Андреем — и на экране, и за экраном, — я никогда не ощущал даже малейшего намека на это чувство. Не то что поджожа, а просто недоверие к партнеру для него абсолютно немыслимо.

Этот разговор был при жизни Андрея. А уже после его смерти Боярский рассказал, как они вместе ездили в Мексику на чемпионат мира по футболу — «поддерживать искусство» нашу сборную, провели почти 24 часа рядом в самолете, в чудовищных условиях играли концерты, и не было ситуации, когда Миронов не оказывался предупредителем к коллеге, тактичен и дружелюбно внимателен.

Актеры на съемках обожают давать советы режиссеру. Иногда дельные. Но даже дельные советы не всегда звучат в форме приемлемой. Дело не в амбициях режиссера, в том, что разрушается атмосфера дружелюбного единства, а без него нельзя на съемочной площадке.

Андрей все свои советы и пожелания выдавал следующим образом. Он отводил меня в сторону и начинал шептать:

— Ты меня, ради бога, извини (эта фраза повторялась не меньше трех раз), конечно, то, что я сейчас скажу, — это полный бред (эта фраза повторялась не меньше пяти раз), но, может быть, все-таки... — И дальше шло изложение совета, который, как правило, оказывался полезным для дела. Это касалось не роли мистера Фёста — тут у нас все обговорено и оспорено было заранее, но сцен и проблем, которые к персонажу самого Миронова прямого отношения не имели.

Вот почему день приезда Андрея в экспедицию всегда был праздником.

Нашу Санта-Каролину мы построили недалеко от Коктебеля, в километре от моря. Но в Коктебеле жилья для нас не нашлось, и ездили на площадку из Феодосии. Август в тот год в Крыму держал 30—35 градусов на солнце. Из Коктебеля, из писательского Дома творчества, время от времени приходили именитые и неименитые гости. Один из них, мой друг и давний знакомый Андрей — они еще в одной школе учились, — театральный критик Шерель сказал мне:

— Ты знаешь, у меня впечатление, что, когда на площадку приезжает Миронов, температура поднимается еще на несколько градусов, но жара спадает — за счет его дружелюбия и душевной щедрости.

Я признательна Саше — он точно определил атмосферу на съемке, когда в ней был занят или просто присутствовал Андрей Миронов.

Не помню случая, чтобы он оказывался пе-

ред камерой неготовым. Внешне это выглядело как некоторое моцартианство — приехал, улыбнулся, «вошел в кадр», «снято!». Очень редко мы превышали заранее намеченное число дублей. Но за этой легкостью и элегантностью кинопрофессионала — часы репетиций накануне, видеопросмотры этих репетиций (мы старались фиксировать на видео не только все эпизоды фильма, но и предварительные стадии работы), долгие «чайные» и «кофейные» посиделки по ночам, во время которых обговаривались даже самые незначительные детали.

Наверное, были часы и дни, когда и он, и я чувствовали себя психологически скверно, наверняка были моменты, когда мы были недовольны друг другом, но вот вспомнить это ни он, ни я после завершения фильма не смогли. И никто из группы тоже (это еще до смерти Андрея, когда печаль и боль утраты еще не накладывались на воспоминания о совместной работе). Напротив, оставалось ощущение радости, которую очень хотелось вернуть и повторить. Отсюда и стремление продолжить ее в работе над новым фильмом.

Претензии, если что-то не получалось или оказывалось на экране неточным, он прежде всего предъявлял к себе самому. Одна такая маленькая неточность у нас есть в картине. Вскоре после того, как в Фёста стреляют, он на несколько дней уезжает из Санта-Каролины — за новыми кинолентами и свадебным подарком для Дианы. Его провожают радостные вновь испеченные любители кино и счастливая Диана.

Вот он приветственно взмахнул рукой, ловко вскочил в дилижанс и...

— И как я, идиот, не сообразил, — закричал Андрей в маленьком зале местного кинотеатра, где по ночам мы отсматривали материал, — ну хоть руку надо было взять на перевязь...

Я пыталась обернуть дело в шутку, сказала, что исцеление от Чаплина исходило полное и вообще это моя режиссерская промашка.

— Но ведь стреляли в меня, — не успокаивался Андрей, — в меня, и я должен был сообразить...

Положение «звезды» для него не снижалось, а поднимало барьер требовательности к самому себе. Кстати, об этом самом положении суперпопулярного артиста. Разумеется, Андрей Александрович знал себе цену и умел сохранять дистанцию, но проявлял максимальную доброжелательность к окружающим.

Его навыки «звезды» входило и одно совсем нетипичное качество — умение слушать других людей с подлинным, а не с имитированным вниманием. В Феодосии уговорили его встретиться со спортсменами «высокого ранга» — это публика своенравная и оттого психологически довольно «закрывая». После встречи с Мироновым они его чуть не на руках понесли: «не за то, что пел и стихи читал, — цитирую одного из участников, — а за то, как он нас слушал и понимал...».

...Я была с уже готовой картиной в Ленинграде, когда туда на один день по своим делам приехал Миронов. Полностью до того дня он фильма не видел — складывалось у него по времени. А тут узнал, что назначен дневной сеанс в маленьком кинотеатре в рабочем районе, и поехал туда. Я умоляла не ходить: будет ведь премьера в Доме кино или в «Октябре»... Там и звук лучше, и изображение чище...

Он позвонил из автомата, как только кончился сеанс, — понимал, что я волнуясь. Фильм ему понравился.

Я спросила, не жалеет ли он о купюрах: мы «не влезали» в метраж, и на самой последней стадии работы мне пришлось «резать по живому».

Нет, купюры его не смущали, хотя песенку под названием «Все кончено» ему было жалко. При монтаже у нас вылетел — не вписался в ритм картины — эпизод, где Джонни Фёст одновременно и грустно, и насмешливо поет эту песенку о неудавшейся любви. Там есть такие строки: «Каждому свое, тебе — забава, мне — мученье, а время лечит только тех, кто болен не смертельно...».

Тогда же мы договорились, что встретимся на Рижском взморье и начнем новую работу...